

Глава 29. Минувшие дни не вернуть, разбитый веер обрывает былые узы

Чун Дай немного подумал и спросил:

— Ты о том случае, когда великий генерал закрыл собой государя и принял стрелу?

— Именно, — кивнул Фу Исянь. — Помню, наконечник вошел прямо напротив точки таньчжун, повредив меридиан сердца. Движение крови и ци нарушилось. С тех пор в сырые и холодные дни отца всегда мучают головные боли. Сначала мы принимали это за обычную простуду, но оказалось, что виной всему застой холода в нижней части тела. Так и тянется до сих пор.

— Может, стоит написать во дворец и спросить старого Гуна? Помнится, в прошлый раз лекарство подбирал именно он.

Фу Исянь покачал головой:

— До столицы тысячи ли. Пока долетит вестник, пока вернется обратно — пройдет не меньше двух месяцев. Я-то могу подождать, но отец — вряд ли. К тому же старик Гун лечит основательно: его снадобья бьют точно, но действуют слишком медленно. Боюсь, когда рецепт окажется здесь, спасти будет уже некого.

Чун Дай понимал, что спорить бессмысленно. Не найдя лучшего выхода, он лишь молча сидел рядом. Фу Исянь, заметив, как тяжело тот хмурится, не захотел утомлять его лишними заботами и ободряюще улыбнулся:

— Не тревожься так, Цзыхоу. Как только отец очнется, я еще раз проверю его пульс на левом запястье, посмотрю, не задеты ли меридианы сердца. Если все в порядке, обойдемся парой согревающих кровь отваров. Кстати, у тебя еще осталась та мускусная холодная роса, что я тебе давал?

Чун Дай опустил руку за пазуху, достал белый флакон и протянул другу. Фу Исянь взвесил его на ладони, удивленно приподнял брови, а затем, вытащив пробку, заглянул внутрь, прищурившись.

— Цзыхоу, здесь не хватает двух пилюль.

— А, в прошлом году, когда я сопровождал принца Чэна к заставе Небесного Замка, мы приняли по одной. Зачем тебе снадобье сейчас?

Фу Исянь вытряхнул одну крупицу и положил под язык.

— Голова раскалывается. Подержу немного, чтобы унять жар и успокоить мысли. К слову,

принц Чэн действительно дорожит тобой. То, что тебе доверили командование конницей у заставы Небесного Замка — его заслуга, он лично подавал прошение императору.

При упоминании Чун Ю на душе у Чун Дая сделалось беспокойно. Он неловко переменял позу, но Фу Исянь ничего не заметил. Прищурившись, он тихо произнес:

— Устал? На кухне уже варят кашу, но это дело небыстрое. Приляг, вздремни немного.

Он ладонью похлопал по постели рядом с собой.

Ничего не ответив, Чун Дай сбросил сапоги, забрался на постель и лег бок о бок с Фу Исянем. Солнце снаружи уже припекало вовсю — время близилось к полудню.

— Ты до сих пор носишь с собой этот веер? — негромко спросил Чун Дай.

Фу Исянь, не открывая глаз, молча кивнул. Просунув руку под легкое одеяло, он вытащил веер и с сухим шорохом распахнул его над грудью. Комнату мгновенно наполнил густой аромат мускуса и орхидеи, принося с собой покой и легкую дремоту. На тонких ребрах веера были искусно вырезаны восемь иероглифов почерком чжуань: «Великие реки текут на тысячи ли, обнимая далекие горы».

Фу Исянь лениво обмахивался веером, даже не думая складывать его. Успокаивающий аромат навевал сон.

Чун Даю было отрадно это видеть. Он коснулся своего пояса — Флейта из пурпурного бамбука с надписью «Краски весны на тысячи ли ранят сердце» по-прежнему висела на привычном месте. Обмененные давным-давно залоги любви словно доказывали, что их чувства живы. Но от этих мыслей в сердце Чун Дая вновь шевельнулась старая обида.

"Не будь Чун И, как сложилась бы наша жизнь? Мы скитались бы вдвоем по свету, пели над речной гладью, плясали под луной, не зная забот и вызывая зависть у целого мира..."

Он посмотрел на Фу Исяня: он выглядел расслабленным, сквозь приоткрытые губы виднелись ровные белые зубы. Каждый вдох Исяня доносил прохладный, сладковатый аромат мускусной росы. Сердце Чун Дая заныло от нежности.

— Сяошань? — тихо позвал он.

Тот не ответил.

— Сяошань? — в его голосе прозвучала редкая для него, почти жалобная мольба.

Фу Исянь резко захлопнул веер, засунул его обратно под подушку и раздосадованно махнул рукой, веля ему спать. Но Чун Дай не сдавался. Желая просто продлить разговор, он зацепился за мелочь:

— Ты же раздавишь его так. Давай я лучше привяжу его к твоему поясу.

Фу Исянь зажмурился, упорно молча. Тогда Чун Дай сам запустил ладонь под подушку и вытащил веер. К его торцу теперь крепилась подвеска из красного коралла. Он поднес ее к глазам: безупречно круглая бусина из превосходного камня, гладкая и сияющая. Никаких надписей или скрытых знаков на ней не было. Чун Дай усмехнулся собственной глупости:

"Наверное, Сяошань повесил ее просто для красоты, а я тут выдумываю невесть что"

Он уже собирался закрепить веер на поясе друга, как вдруг заметил, что рядом с привычной с детства яшмовой подвеской у того на поясе красуется необычный узорчатый шнур из плотной парчи. На конце шнура имелось утолщение, внутри которого явно что-то пряталось. Чун Дай осторожно ощупал его пальцами — внутри действительно было круглое твердое тело, но определить его форму сквозь ткань не удалось.

Положив веер на край постели, Чун Дай долго разглядывал загадочный мешочек, тщетно пытаясь разгадать его тайну. Глядя на мирно дышащего Фу Исяня, он вдруг поддался ребяческому порыву и ткнул пальцем ему прямо в бок.

Исянь, пребывавший в полудреме, от неожиданности вздрогнул. По телу разлилась острая щекотка. Он резко перехватил дыхание, вскочил, перехватил левую руку Чун Дая, рванул на себя и прижал его к постели.

Чун Дай сдаваться не собирался. Оказавшись прижатым к матрасу, он изловчился и свободной правой рукой легонько щелкнул друга по лбу. Исянь зажмурился, и Чун Дай, воспользовавшись секундным замешательством, рванулся всем телом, опрокинул его навзничь и навалился сверху, всю щекоча его.

Исянь не выдержал, извиваясь всем телом от смеха и жалобно моля о пощаде.

Поначалу это была лишь невинная забава. Но подминая под себя извивающегося Исяня — теплого, податливого, пахнущего мускусом и так искренне смеющегося, — Чун Дай почувствовал, как в горле пересыхает. Разум заволокло туманом, он смотрел затуманенным взглядом. Теряя контроль над собой, он крепко прижал юношу к себе.

После той памятной ночи с Чун И Фу Исянь прекрасно понимал природу таких порывов. Заметив, как потемнел взгляд Чун Дая, он мысленно выругался. Сгруппировавшись, он ловко выскользнул из объятий друга и отпрянул на край кровати.

— Цзыхоу, прекрати! — выдохнул он. — Отца разбудишь.

Разом лишившись желанного тепла, Чун Дай замер. Страсть улеглась, оставив после себя лишь горькое сожаление и тоску. Взглянув на развороченную постель, он заметил оброненный шелковый мешочек. Он потянулся взять его, чтобы вернуть другу, но случайно схватил за донце. Что-то круглое выскользнуло из ткани и со стуком упало прямо ему на колени.

Это была узорчатая цветная яшма.

Чун Даю этот предмет показался смутно знакомым. Он поднял его за шнурок. Яшма закачалась в воздухе, переливаясь под солнечными лучами всеми цветами радуги. Исянь порывисто протянул руку, чтобы забрать ее, но Чун Дай отпрянул назад, не сводя потрясенного взгляда с драгоценности. Исянь не стал настаивать, лишь отвернулся к окну, погрузившись в глубокое молчание.

Прошло немало времени, прежде чем Чун Дай глухо произнес:

— Это... «Трехцветное Благовещение»?

— Да, — едва слышно отозвался Исянь.

Они оба принадлежали к императорскому роду, и каждому из них было прекрасно известно значение этой реликвии. Драгоценная яшма преподносилась государем невесте при помолвке, затем переходила к наследнику престола — и так из поколения в поколение. И теперь этот священный залог союза висел на поясе Фу Исяня.

В груди Чун Дая все заклокотало от боли, обиды и злой ревности. Тот факт, что Чун И отдал эту вещь Исяню, говорил о слишком многом.

— Вы... между вами уже все произошло? Вы разделили ложе? — его голос задрожал.

Фу Исянь продолжал отрешенно смотреть в окно, где слуга как раз нес через угловую калитку лакированный короб с едой. Заметив взгляд молодого хозяина, слуга почтительно приблизился, вошел в комнату, оставил обед на столе и тихо удалился.

Лишь после этого Исянь повернулся к другу:

— Давай сначала поедим. Весь день маковой росинки во рту не было.

Равнодушие в голосе Исяня окончательно остудило сердце Чун Дая. Он и раньше догадывался, что его любимый Сяошань давно принадлежит императору, но увидеть подтверждение собственными глазами оказалось невыносимо. В мыслях завертелись грязные, ранящие

картины чужой близости, а яшмовая подвеска, мерно покачиваясь в лучах солнца, словно заявляла о незыблемой власти государя и его безграничной милости к фавориту.

— Это его подарок? Вы разделили постель? — упрямо повторил Чун Дай.

Фу Исянь молча открыл короб. На столе появились тарелка нежной свинины с сушеными лилиями, миска арахиса, кувшинчик подогретого вина и горшочек разваренной фасолевой каши. Расставив посуду и наполнив пиалы, он наконец поднял на Чун Дая усталые глаза:

— Давай поговорим за столом.

Вместо ответа Чун Дай бережно уложил яшму обратно в парчовый мешочек, разгладил ткань и оставил на краю постели. Обувшись, он молча направился к выходу. Проходя мимо Исяня, он перехватил его взгляд — глубокий, мягкий, полный привычной нежности, — и почувствовал, как сердце рвется на части от невыносимой тоски и бессилия.

Фу Исянь порывисто схватил его за руку. Всегда теплое и сильное запястье Чун Дая сейчас казалось ледяным. Исянь тяжело вздохнул, его глаза наполнились влагой. С его губ сорвалось давно забытое, детское обращение:

— Брат Цзыхоу... куда же ты?

От этого тихого «Брат Цзыхоу» в памяти Чун Дая хлынули воспоминания прежних лет. Они знали друг друга с малых лет: вместе делили тяготы дорог, спали на одной циновке, выросли... Когда в его сердце только зарождалось первое глубокое чувство, они делили рассветы и закаты, исходили сотни дорог. Он полюбил преданно и безвозвратно, лишь со временем осознав, что мысли Сяошаня заняты другим. И вот теперь они настолько близки с императором, что тот вручил ему «Трехцветное Благовещение». А он, глупец, все еще надеялся на чудо, лелея в памяти Веер Мускуса и Орхидеи...

Чун Дай прикрыл глаза. По щекам покатались горькие слезы.

"Сяошань отдал сердце другому. К чему тогда эти пустые надежды? К чему хранить веер, продолжая обманывать самого себя?"

С этой мыслью он высвободил руку, вернулся к кровати и выхватил Веер Мускуса и Орхидеи из-под подушки. Дрожащими пальцами он бережно погладил тонкие костяные пластины — этот веер не покидал его с двенадцати лет, пока он не преподнес его Исяню как признание в любви.

Заметив перемену в лице друга, Исянь испуганно бросился к нему, но опоздал.

Раздался резкий, сухой треск. Бедный Веер Мускуса и Орхидеи сломался пополам. Чун Дай

швырнул обломки на пол и, не говоря ни слова, зашагал к дверям.

Исянь снова перехватил его у самого порога, слезы градом покатались по его лицу:

— Цзыхоу... Брат Цзыхоу... — его голос пресекся от рыданий.

Чун Дай попытался высвободить руку, но Исянь мертвой хваткой вцепился в его запястье. Тот рванулся сильнее, но друг упрямо хватал его снова и снова. Наконец Чун Дай бессильно запрокинул голову и тяжело вздохнул:

— Сяошань, зачем ты мучаешь нас обоих? Твоя душа и тело принадлежат другому. Отпусти меня, не заставляй страдать. Какой смысл хранить обломки веера? Отныне наши дороги расходятся навсегда.

С силой вырвав руку, он перешагнул порог.

Полуденное солнце ослепило его, обдав волной удушливого жара. Чун Дай чувствовал себя опустошенным. Он сделал несколько шагов к воротам, но против воли замер и оглянулся. Фу Исянь так и остался сидеть у стола в полутемной комнате. Этот единственный взгляд полоснул по сердцу Чун Дая острее ножа. Смахнув слезы, он стремительно зашагал прочь, не оборачиваясь.

<http://bllate.org/book/19874/2041591>